

Идеальное фэнтези
Романы
Карины Деминой

Глава 1,

*в которой повелитель тьмы призывает демона,
но что-то идет не так*

И по слову его разверзлась бездна, выпустив создание столь ужасное, что все-то, кто видел его, теряли разум. И был то демон, чье пришествие принесло в мир множество бед и несчастий.

Хроники Тьмы, писанные благородным пресветлым воителем и благословенным паладином со слов свидетелей непотребств, сотворенных проклятыми Повелителями, да будут имена их забыты

Пламя окрасилось алым и выплюнуло сноп искр, которые заплясали, закружили, оседая на черных пластинах доспеха. Владелец их поморщился и отступил от чаши. Окинув придирчивым взглядом комнату, задумался.

Стоит ли?

Возможно, есть иной способ.

Скажем, в набег отправиться. В набег он давно уж не ходил. И Легионы Смерти застоялись, стоило бы встряхнуть их небольшою победоносной войной.

Но было лень.

При мысли о походе заныла задница, которая никак не желала вновь оказываться в седле. И спина тоже. Заломило плечи, на которые будто упала вся тяжесть походного доспеха.

Нет, к походу он не готов даже для великого дела.

Пламя гудело, освещая ритуальную комнату. Вот капля его, сгустившись, упала на пол, на вычерченную алой смесью дорожку. И та вспыхнула. Огненная линия вычерчивала один символ за другим.

Или купить?

Разумно ведь. И выбор большой, как ему говорили, особенно на восточном побережье.

Ричард Третий, Черный лев и единовластный повелитель Темных земель, поморщился.

До побережья попробуй доберись. Отправить кого? Кого? Его людям там не обрадуются. Особенно после того, как он сжег три приграничных крепости, а заодно уж и флот великого хана.

Нет, там он прав был. Нечего на его земли ходить. И предупреждал честно, что, если набеги не прекратятся, будет вынужден ответить.

Закованный в черное железо палец поскребся о личину.

Ричард вздохнул.

Можно, конечно, и посреднику заплатить. Но где гарантия, что ему, прознав о цели поездки, не заплатит кто-то еще? Помнится, любезный прадед тоже пытался. А что в итоге? Перерезанное горло и замок, который после проклятья восстанавливать пришлось.

Нет.

Вариантов не осталось.

И, тяжело вздохнув, Ричард шагнул в пламя. Оно загудело, приветствуя повелителя. И приняло жертвенную кровь. Ричард чувствовал, как отзывается сила, как просыпается она, приходя в движение, наполняя древние символы.

Один за другим.

Один...

Он сделал вдох и начал:

— Правом и кровью...

Слова на древнем языке слетали легко. И сила подчинялась. Вот пламя пришло в движение, закружилось, сперва медленно, но с каждым мгновением все ускоряясь, сотворяя вихрь из огня и крови. И сам Замок, древняя твердыня, знавшая не одного Повелителя, содрогнулся.

— Повелеваю! — Получилось в достаточной мере грозно.

Но тут Ричард запнулся, осознав, что он забыл. Вот взял и... забыл!

То есть нет, он помнил, чего ради затеял обряд. И демона призвал. Но вот точную формулировку, над которой

корпел последние несколько недель, тщательно выверяя каждое слово, складывая их так, чтобы не только его желание выразили, но и не оставили возможности превратно его истолковать, забыл.

Он сглотнул.

Пламя гудело.

Сила наполняла и переполняла тело. Врата в Бездну стояли разверзтые, ожидая, когда будет произнесен приказ. А в голове вертелись лишь обрывки фраз на древнем языке.

Ричард покосился на столик, где виднелся клочок бумаги. Кажется, тот, на котором он и записал самый последний вариант. А потом прочел его. Раз десять.

И казалось, что каждое-то слово врезалось в разум. Казалось. Ричард протянул было руку, но осознал, что проклятый листок остался за пределом внешней черты. И даже если получится дотянуться, что весьма сомнительно, контур нарушится.

Словно откликаясь на его слова, Замок в очередной раз содрогнулся.

И врата мигнули, а поток силы стал замедляться.

Время! Времени осталось не так и много.

— Силой своей и кровью своей... — Ричард торопливо стянул перчатку, и она упала под ноги. Клинок вспорол кожу на запястье, кровь побежала тонкими струйками.

Он закусил губу.

Проклятье! Ну почему с ним вечно все не так! Прав был отец, когда говорил, что из Ричарда не выйдет толку. Прав, да только... только не отступать же теперь.

— Я призываю демона, дабы исполнил он мое пожелание!

Проклятье!

Твою ж...

Ворота распахнулись, готовые проглотить неудачного призывающего. И Ричард ощутил, что там, за чертой, кто-то есть. Кто-то попался в сети его крови и теперь бился в них.

Отлично!

— Приди!

Почему-то голос сорвался, а в горло вдруг влетела мошка, из тех мелких и вездесущих, от которых не спасали ни заклятья, ни липкие ленты, развешанные на кухне. Ричард смутно подозревал, что эти ленты мошкам весьма по вкусу, иначе не плодились бы они в таких-то количествах.

Главное, что именно эта конкретная мошка оказалась в ритуальной комнате, где мошек быть не могло!

А она была.

И влетела в рот, в горло, заставив Ричарда закашляться. Силовой поток тут же сбился, врата задрожали, готовые вот-вот схлопнуться, а тварь Бездны почти вырвалась.

— Приди! — просипел Ричард, пытаясь проглотить мошку, но та не проглатывалась, застряла, прилипнув к небу.

Кашель почти вызвал рвоту.

Ритуал окончательно был испорчен.

— Прими... мою... — в последней попытке спасти все, Ричард поднял клинок, — жертву...

Тут мошка отлипла и вылетела изо рта, чтобы упасть на черную сталь ритуального кинжала. Рука дернулась. Мошка слетела.

Аккурат в пылающий круг, куда должна была упасть жертва.

Ричард застонал, а сила вновь пришла в движение, с каждым поворотом ускоряясь. Натянулись жгуты, связывавшие ее с Ричардом. А он наконец вспомнил, что должен был сказать.

Поздно.

Врата схлопнулись, и силовой поток ударил, опрокинув Ричарда на спину. Загрохотал доспех. Запрокинулась голова. Во рту стало солоно.

И последней мыслью было: зря он так с работоторговцами.

Вариант ведь...

Аш-Найет, старшая демоница, Владычица Огненных пустошей, проснулась от ощущения близости прорыва. Она потянулась, подставляя гибкое свое тело лучам Хароса. Зевнула и лениво прищурилась, вслушиваясь в то, как трещит ткань мироздания.

Кто бы ни пытался пробиться, он был силен.

Аш-Найет наблюдала, как медленно разрастается трещина, сквозь которую проникают тончайшие нити заклятья. Под жесткими лучами Хароса они обретали плотность.

Демоница отступила. Подумала, что было бы забавно сунуть в заклятье кого-то из низших, но желание было не настолько сильным, чтобы искать подходящего демона.

Нитей становилось больше. Они шевельнулись и повернулись к Аш-Найет.

— Ну нет, — сказала демоница. — Он ведь не всерьез?

Голос ее хрипловатый заставил нити качнуться, а затем броситься к той, кого они полагали жертвой. Прикосновение обожгло, заставив демоницу зашипеть от злости и боли. Она рванула было, разрывая нити, но те спеленали ее, оставляя на медно-красной коже белые пятна ожогов.

Шипение сменилось ворчанием. Острый коготь перерубил одну нить, но та спешно восстановилась. Выходит, тот, кто сотворил заклятье, был не просто очередным ничтожным человечком, решившим, что силы дара его хватит, чтобы поймать демона?

Нити спешили опутать. Окутать. Лишали возможности двигаться.

Аш-Найет с ужасом, которого не испытывала, пожалуй, со времен своего сотворения, поняла, что еще немного — и чужая воля вырвет ее из родного мира. Она заревела во всю глотку, дернулась, но нити оказались крепкими.

— Пр-р-роклятая кровь!

Ее рык заставил задрожать окрестные скалы. И кто-то мелкий, ничтожный мелькнул где-то там, вдали, спеша скрыться в какой-нибудь расщелине.

Что делать?

Провал становился ближе. И ближе.

Нити заклятья тащили ее, бьющуюся, но такую вдруг отвратительно беспомощную. Аш-Найет издала низкий утробный рык, на который сама земля ответила вибрацией. На красном камне оставались следы ее когтей, но и только.

Рывок, и вот уже всепожирающей пастью нависло окно портала. Из него тянуло холодом. И Аш-Найет осознала вдруг, что ее сейчас выдернут из мира.

Ее!

Сотрясательницу мира! Младшую дочь Младшего бога! Многорогою! Ужасную! Ту, что повелевала легионами при битве на Ах-аррае! Просто возьмут и выдернут, как какую-то ничтожную трехрогою, которая только и способна, что жрать да гадить?

Не бывать этому!

И, собрав все силы, пробудив внутри тела ярость, которая когда-то помогла ей выжить, Аш-Найет рванулась. Именно в этот миг, будто ощутив силу гнева ее, путы ослабли.

А с порталом произошло что-то определенно не то. Она, правда, не знала, что именно. Тот вдруг задрожал, сузился, почти схлопываясь, а потом раскрылся, вбирая в себя силу Аш-Найет.

Ее рывок позволил разорвать нити. Скатиться.

И Аш-Найет с небывалой поспешностью, которую кто-то мог бы принять за страх и был бы всецело прав, рванула к алым скалам, что возвышались в отдалении. Она бежала, подгоняя себя ударами гибкого хвоста, желая одного — забиться в какую-нибудь щель и сидеть там, пока не уберется этот проклятый, трижды проклятый маг. И даже потеря части сути, силы своей, которая осталась в тенетах заклатья, не показалась ей высокой ценой.

Она услышала, как схлопывается портал, закрывая пробой в мире, и все одно забила в пещеру, облубованную каким-то мелким ничтожным демоном. Его Аш-Найет сожрала.

Это всегда помогало успокоиться.

Вот так, спокойно, она и досидела до заката. А позже, выбравшись на ледяные равнины, — Харос остался на небесах молочно-белым глазным яблоком — решила, что день был, конечно, поганый, но она жива. А это многое значит.

Что до силы... Ночная охота и пара полуночных тварей помогут ранам затянуться.

На следующий день сытая и вполне успокоившаяся Аш-Найет окончательно позабыла о постигшей ее неприятности.

Уже потом я поняла, что смерть моя была под стать жизни — бессмысленной и на диво бестолковой. Неудачной еще.

Потом.

Но тогда-то я как раз ничего и не думала. Вообще.

Разве думающий человек попрется в полуразвалившуюся многоэтажку, застывшую на окраине города таким памятником чьим-то несбывшимся мечтам? И думающий человек точно не станет подниматься на девятый этаж, да еще спешно, пока солнце не зашло.

И становиться на краю.

— Жорка, боком повернись! — крикнул Сенька, поднимая камеру. — И морду сделай вдохновенную!

Я попыталась, честно. Вдохновению несколько мешали усталость и желание, чтобы эта попытка скорей закончилась.

— Да вдохновеннее... Руки подними! Вот!

Моделью я никогда не была. А кем была? Затруднительно сказать. Кем может стать ребенок, которого родная матушка обзвала Жоржеттой? Ага. Жоржетта Ивановна Сидорчук. Чудесное сочетание.

Изысканное.

Так матушке казалось. И, подчеркивая изысканность, она всегда называла меня только полным именем. Хорошо, что без отчества. Но тут уже не столько потому, что оно с именем почти не сочеталось, сколько из-за батюшки, решившего, что десять лет брака — еще не повод отказывать себе в малых жизненных радостях.

К одной из этих радостей он в конечном итоге и ушел.

Обыкновенная, по сути, история.

Матушка, погоревав немного, месяца два-три, ибо больше не позволяли обстоятельства, тоже принялась активно устраивать личную жизнь. В итоге на свет появились Ивианна, Моника и Святогор, а в двухкомнатной квартире стало тесновато.

— Вот так! И голову запрокинь! — велел Севка.

Я подчинилась.

На душе было поганенько. Не из-за матушки, от нее я еще когда съехала и с тех студенческих пор в родной дом заглядывала изредка, отдавая тот самый долг, о котором матушка не стеснялась напоминать.

Неважно.

Главное, что и дальше жизнь была не сказать чтобы вовсе поганой, нет. Случается и хуже. Школа. Поступление. Вуз средней руки. И учеба такая же. Подработка, позволявшая кое-как существовать. А потом и работа, пусть не по профилю, зато хватало, чтобы снимать комнатуху на окраине. Можно было бы и поближе, конечно, но тогда ничего отложить не получилось бы.

Оно и так не получалось.

Но я привычно откладывала. Даже без особой надежды накопить на ипотеку. Правда, в последнее время наметились кое-какие подвижки, и Антонина Егоровна, к которой я была приставлена в помощники, даже повышение обещала.

Порой случались подработки, и тогда вклад прибавлялся.

— Живот втяни! — Севка щелкал и хмурился, пытаясь казаться серьезнее.

Дурацкая идея, конечно. Кому нужна жена Жоржетта? Ага, Ивановна... без жилья, хорошей зарплаты и перспектив.

Но Севке если что в голову взбрело, то уже не выбредет. Во всяком случае, без потерь для окружающих.

Агентство он решил открыть. Брачное. С полным сопровождением.

И брачевать иностранцев, которые, как всем известно, спят и видят в мечтах, как бы осчастливить какую-нибудь русскую красавицу собственной особью. Севка даже сайт сделал. Сам. А вот с наполнением затык случился.

То ли красавиц в Нижневоламске не хватало, то ли не мечтали они замуж за границу, то ли своими силами как-то обходились, что Севку категорически не устраивало.

— Подумай, — сказал он давеча, припершись в гости с тремя пирожками и почти профессиональной камерой. — Вот что ты теряешь?

Я подумала, сожрала почти свежий пирожок и решила, что в самом деле ничего не теряю, кроме, может быть, законного выходного. Но планов на него не было, а стало быть, почему бы и нет?

— Ты сможешь мне, а я тебе! Ты ж красивая девка, Жорка. — Севка поспешно запихал оставшийся пирожок за щеку, отчего та вздулась. Впрочем, говорить ему это не мешало. — А одинокая! И почему?

— Почему? — поинтересовалась я для поддержания беседы.

— Потому что наши мужики зажрались! Им мало, чтобы девица была красивая и умная.

Слушать было приятно, хотя особой красавицей я себя не считала. Не слишком высокая, не худая, но и не толстая, лишенная выдающихся форм, но и не сказать чтобы совсем уж страшная.

Обыкновенная.

— А там тебя оценят! — Севка ткнул пальцем в потолок, на котором выделялись пятна протечки. — Тем более английский знаешь, проблем не возникнет.

На всякий случай кивнула. Английский я и вправду знала. Во всяком случае, лучше многоумной Антонины Егоровны. Собственно говоря меня и наняли-то по-за ради знания английского, который Антонина Егоровна, будучи специалистом до крайности ценным, а потому капризным, учить не желала.

Неважно.

Главное, что в Севкином исполнении перспектива замужества «туда» вдруг стала донельзя заманчивой. А что? Познакомлюсь с каким-нибудь итальянцем или немцем, уеду в зарубежье и заживу по-человечески.

Воображение нарисовало маленький домик на берегу океана. Или моря.

Или просто домик. Я ведь не капризная.

Белый заборчик. Газон, чтоб как в кино. Машина. Улыбающийся муж. Счастливые дети и собака. Тем более со-

баку я, в отличие от детей, давно хотела завести, да квартирная хозяйка выступала категорически против. И вот эта не существующая в действительности собака окончательно развеяла сомнения.

В конце концов, и правда, чем мне заняться-то? Страдать из-за несложившейся жизни?

Севка пришел в восторг. И потянул сниматься.

— Ты же понимаешь, что сперва выбирать будут по картинке. Стало быть, картинка должна быть профессиональной! — Поскольку Севка до того подрабатывал, снимая чужие свадьбы, то себя он считал вполне профессионалом. Во всяком случае, если и случались у него недовольные клиенты, то до бития морд дело не доходило. А это уже показатель. — А то обычно поставят фотку, глядеть страшно...

И под Севкино бурчание мы поехали.

Сперва на водохранилище, где встречали рассвет и пытались сотворить образ, потом на какое-то поле. Там я искренне старалась войти в единение с окружающей природой, но все как-то не выходило, точнее не входило. Еще колесили по городу, слонялись по парку, изрядно вытоптанному любителями природы.

Ели в кафешке, говорили о чем-то, то ли о его агентстве, которое обречено на успех, то ли просто за жизнь.

И вот заброшка.

Закат.

— Ты будешь великолепна! — возвестил Севка, высываясь из-за камеры. В лучах заходящего солнца его физия гляделась слишком уж розовой. — Давай еще шаг назад, и руки, руки вверх... подпрыгни, будто пытаешься поймать солнце!

Я устала.

И прыгать не хотелось. И солнце ловить. И даже замуж. Но Севка крикнул это так требовательно, что я оттолкнулась, вытянула руки, и в какой-то момент показалось, что я вот-вот поймаю этот ускользающий огненный шар.

В глаза плеснуло светом.

А потом...

Потом ноги ударились о бетон, и что-то захрустело, то ли в ногах, то ли под ними. И я покачнулась. Я еще попыталась восстановить равновесие, смутно подозревая, что что-то пошло не так, но пол закачался, и я полетела. Вниз.

Тогда еще успела подумать, что смерть эта на диво не-лепая, как сама жизнь. И что не будет у меня ни мужа-иностранца, ни дома своего, ни детей, не говоря уже о собаке.

Собаку было особенно жаль.

Солнце полыхнуло огнем. Стало жарко. Холодно.

И больно.

А еще обидно донельзя. Разве я многого хотела? Просто мужа и... собаку.

Глава 2,

*где призванный демон знакомится
с новым удивительным миром*

Демоны по натуре своей суть создания коварные. Ни слова правды не произнесут их уста. И горе тому, кто поверит сладким посулам их.

*Хроники Тьмы, писанные благородным пресветлым воителем
и благословенным паладином со слов свидетелей непотребств,
сотворенных проклятыми Повелителями,
да будут имена их забыты*

Упала я на спину. Со всего размаху. Что сказать, хорошо так приложилась. От удара из легких вышибло весь воздух, а вдыхать его обратно оказалось больно. И боль эта как раз-то помогла вернуть сознание.

Но вернулось оно не сразу.

Некоторое время, как показалось, долгое донельзя, я просто лежала, пытаясь дышать. Получалось кое-как, но все-таки получалось.

Севка, бестолочь. Из-за него все.

И... скорую уже вызвал? А почему сам не спустился? Должен был бы. Севка, конечно, мудака, но не до такой же степени, чтобы меня бросить. Никогда не бросал. Даже в тот раз, когда нас в универовском туалете с косяком запалили, на себя все взял.